

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Богомолова Игоря Константиновича
«Цензура в России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918
годов)», представленную к защите на соискание ученой степени доктора
исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история

Диссертация И.К. Богомолова посвящена структуре и деятельности цензуры в России в период Первой мировой войны и революционных событий 1917 г. Актуальность и значимость темы для отечественной историографии несомненны: цензура являлась важнейшим элементом государственного механизма, оказывала влияние на все стороны общественно-политической, экономической, культурной жизни позднеимперской России. Очевидна масштабность темы и авторского замысла – впервые объединить в одном исследовании повествование о различных ответвлениях цензуры (печати, почты и телеграфа, театра, кинематографа, речей и докладов), выявить их организационные и структурные особенности, реконструировать систему государственного контроля над различными сторонами жизни российского общества в 1914–1918 гг.

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Структура работы выглядит логичной и обоснованной: исследуются как общие тенденции цензурной политики государства, так и отдельные направления деятельности цензуры в контексте общественно-политических процессов в России в годы Первой мировой войны.

Цель и задачи, объект и предмет исследования сформулированы корректно, они соответствуют масштабу и сложности темы, которая подразумевает необходимость комплексного анализа цензуры, учета всех направлений ее деятельности. Важно, что среди задач работы – не только реконструкция структуры цензуры, но и раскрытие особенностей ее повседневной работы, кадрового состава и принципов комплектования. Отдельно стоит отметить задачу изучить общественное восприятие цензуры, выявить ее образ в массовом сознании.

Необходимость комплексного исследования российской цензуры 1914–1918 гг.

убедительно показана в подробном и обстоятельном историографическом обзоре. Можно согласиться с автором в том, что цензурные документы дореволюционного периода использовались в основном как источник по истории общественных настроений. По большей части неизвестны социальное происхождение, политические взгляды цензоров и в целом их мотивация работать в цензуре. Годы Первой мировой войны в этом отношении остаются большим белым пятном. Как верно отмечает автор, истоки такой ситуации кроются в особенностях развития советской историографии: закрытость значительной части архивных источников, а в 1960–1980-х гг. – фактический запрет на исследования даже дореволюционной цензуры. Хотя в постсоветские десятилетия основные фонды ее документов стали доступны историкам, общее направление работы в целом осталось прежним: даже в исследованиях о цензурных ограничениях сама цензура (как структура и как фактор общественной жизни) оставалась на втором плане. Попытка И.К. Богомоллова поставить ее в центр внимания, встроить в общий контекст социально-политического развития России накануне и в период фундаментальных трансформаций 1917 г. – несомненно, новое слово в отечественной исторической науке. Важная особенность работы – хронологический охват всего времени участия России в Первой мировой войне. Автор не ограничивается дофевральским периодом и реконструирует единый процесс развития цензуры в эпоху войны, затрагивая также первые месяцы советской власти – времени формирования новой государственности и новых структур цензурного контроля.

Для решения столь масштабных задач И.К. Богомоллов привлёк значительный массив источников из 22 архивов. Центральную роль в исследовании играют хранящиеся в РГВИА документы военно-цензурных комиссий, большая часть которых впервые введена автором в научный оборот. Особого внимания заслуживают фонды Главной и Петроградской военно-цензурных комиссий, в которых отразилась история не только цензурных учреждений, но также политических, экономических, культурных процессов в России в последние годы существования монархии и в первый год после ее падения. Следует отметить также широкое привлечение диссертантом многочисленных сборников опубликованных

документов политических партий, армейских комитетов, различных общественных объединений. Автор активно использует мемуары и дневники, в том числе до сих пор неопубликованные, что позволило более подробно проанализировать общественное восприятие цензуры, образ цензора в массовом сознании, впечатления от цензурной политики властей, практику взаимодействия с цензурными органами в 1914–1918 гг.

Первая глава диссертации посвящена структуре и организации цензуры накануне и в годы Первой мировой войны. Автор вполне обоснованно уделяет большое внимание периоду между Русско-японской и Первой мировой войнами – времени не только коренных политических реформ 1905–1906 гг., но и создания нормативно-правовой базы военной цензуры, действовавшей в 1914–1918 гг. Манифест 17 октября даровал свободу слова и ознаменовал переход от предварительной цензуры к цензуре карательной. Вместе с тем неудачный опыт войны 1904–1905 гг. показал необходимость четкой и централизованной военно-цензурной структуры на случай нового конфликта. В том числе и с этой целью с 1909 г. разрабатывались новое Положение о полевом управлении войск, а также отдельное Положение о военной цензуре. В диссертации впервые подробно рассматривается процесс разработки этого документа межведомственным совещанием, вводятся в научный оборот ранее неизвестные источники. В частности, показаны дискуссии вокруг предполагаемой загруженности военной цензуры – проблемы, которую разработчики явно недооценили. Непродуманным было и деление территории империи на зоны «полной» и «частичной» военной цензуры. В целом представленный в диссертации анализ недостатков ключевого документа по организации цензуры показывает малоизученные причины конфликтов между военными и гражданскими властями, дополняя тем самым общую картину деградации государственного управления в годы войны.

Помимо организации цензуры существенное внимание в диссертации обращено на ее кадровый состав и принципы комплектования, на требования к кандидатам на должности цензоров, на их отбор по таким параметрам, как благонадежность, знание иностранных языков, усидчивость и внимательность.

Вполне обоснованно автор в отдельном параграфе рассматривает участия женщин в военной цензуре. Постоянный призыв мужчин на фронт сказался на кадровом составе многих предприятий и учреждений, в том числе и цензурных: не хватало сотрудников для просмотра тысяч писем фронтовиков и военнопленных, разрастался и обслуживающий персонал. На этом фоне привлечение женщин хотя и встречало сопротивление цензурного начальства и военного командования, но было фактически неизбежным. Более того, уже к 1916 г. женщины составляли более половины всех сотрудников военной цензуры. Диссертанту удалось показать еще один, до сих пор почти не изученный, но характерный пример повышения роли женщин в экономике и общественной жизни предреволюционной России.

Во второй главе подробно освещена деятельность почтово-телеграфной цензуры в 1914 – феврале 1917 г. Большое внимание автор уделил не только ее структуре, но и повседневной работе, найдя данные о часах работы, продолжительности смен, отпусках и выходных днях цензоров, бытовых условиях службы. Важный сюжет, затронутый И.К. Богомоловым, – общественное восприятие почтово-телеграфной цензуры. Казалось бы, ясно, что образ цензора никогда не был положительным в русской культуре и литературе, однако диссертант выделил важные особенности отношения к цензуре. Соглашаясь с тем, что она необходима в военное время, представители разных слоев общества жаловались на ее медлительность и при этом бессмысленность. На месяцы задерживались, а зачастую и терялись письма, авторы которых не сообщали никаких военных тайн. Развивавшаяся одновременно с этим шпиономания лишь подогревала раздражение против цензуры, придиравшейся к разным мелочам, но неспособной предотвратить переписку вражеских агентов. Последние, как показано в отдельном параграфе, постоянно и небезуспешно искали пути обхода цензуры, совершенствовали технику и приемы тайнописи, которую активно использовали в своих письмах фронтовики и военнопленные. Не имея возможности контролировать всю корреспонденцию даже в Петрограде, военная цензура была обречена на постоянную критику, раздававшуюся с разных флангов политического спектра, дополняя образ неэффективной, непоследовательной политики властей.

Третья глава диссертации – о цензуре печати в дофевральский период – находится, очевидно, в центре всего повествования. После революции 1905 г. пресса занимала важнейшее место в общественной жизни, в годы войны ее значимость только росла. В связи с этим вопрос о цензуре печати, даже формально военной, неизбежно становился вопросом политическим. Диссертант освещает шаги властей по усилению контроля над печатью, по пресечению распространения секретных сведений. Уже в первый год войны началась политизация военной цензуры, и этот процесс лишь ускорился по мере ухудшения положения на фронте и разрастания политического кризиса. Подробно проанализировав разработку Думой нового Положения о военной цензуре, автор показывает, в том числе и поиск точек соприкосновения между властью и оппозицией летом и осенью 1915 г. Незавершенность разработки проекта отражала поиск властью путей подавления оппозиционных настроений в стране, в том числе через эффективный контроль над прессой. Последняя, в свою очередь, со второй половины 1915 г. ждала только усиления репрессий и искала пути обхода цензуры. Попытки эти также были небезуспешными, и освещение газетами ключевых кризисных точек последних месяцев перед Февральской революцией (прежде всего – думские речи ноября 1916 г. и убийство Г.Е. Распутина) наглядно демонстрировало неэффективность цензурных ограничений. Следует отметить, что в диссертации развитие предреволюционного политического кризиса впервые в историографии показано сквозь призму цензурной политики и практики ее реализации.

Отдельную главу автор посвятил цензуре публичных зрелищ, речей и докладов. Драматическая и кинематографическая цензура в России уже не раз попадала в поле зрения историков, однако период Первой мировой войны практически не рассматривался. Между тем эти виды цензуры имели свои особенности и отличия от, например, цензуры печати. Так, драматическая цензура после революции 1905 г. оставалась предварительной, сохранила кадровый состав, практически неизменными вплоть до 1917 г. оставались и принципы ее работы. В годы войны она была встроена в общую военно-цензурную систему, но сохранила свою ведомственную принадлежность и свою автономию. Проблемы при этом

оставались те же: дефицит сил и средств для контроля над театральной жизнью в империи, а также фактор местных властей, которые зачастую решали судьбу постановки без оглядки на столичных цензоров. С кинематографом ситуация была еще сложнее, так как до падения монархии контроль над ним оставался нецентрализованным. В результате решения о показе кинокартин разнились от региона к региону, а иногда – и в пределах одного города. С помощью многочисленных источников диссертанту удалось воссоздать в деталях процесс взаимодействия цензурных органов с театром и кинематографом, попытки сделать цензуру более согласованной и предсказуемой. Неудача этих усилий отражала общую разбалансированность имперской системы управления, и война в этом смысле стала лишь дополнительным мощным фактором. Следует отметить внимание автора к местным условиям и особенностям цензуры, роли не только власти, но и общества в принятии ограничительных мер против театральных постановок и кинопроката. Фактически впервые поднята проблематика цензуры речей и докладов, которой также в основном занимались гражданская администрация и полиция во взаимодействии с военно-цензурными комиссиями при штабах фронтов и военных округов.

Заключительная глава диссертации посвящена революционному периоду в истории российской цензуры начала XX в. Здесь проявилась ключевая задумка автора – показать развитие военно-цензурной системы без деления ее на «до» и «после» Февраля и Октября 1917 г. Естественное, что вместе с коренными политическими изменениями реформы затронули и цензуру, однако этот процесс до сих пор действительно был слабо освещен в историографии, в которой упразднение Главного управления по делам печати стало фактическим синонимом упразднения цензуры старого порядка. Однако, как подчеркивает И.К. Богомолов, первоначальные реформы в области контроля над печатью не коснулись военно-цензурных органов. Неопределенность их положения в сложной политической обстановке весны–лета 1917 г. – тема малоизученная и при этом важная для понимания внутренней политики новой власти, особенностей принятия ею ключевых решений.

Характерен в этом смысле затронутый автором сюжет о затягивании принятия нового Положения о военной цензуре. Хотя нет прямых и отразившихся в источниках объяснений причин, почему Министерство юстиции не спешило рассматривать разработанный еще в марте проект, вполне убедительным видится гипотеза автора, что возглавлявший это ведомство А.Ф. Керенский не желал до поры затрагивать этот чувствительный политический вопрос, особенно на фоне апрельского кризиса власти. В пользу этой точки зрения говорит и быстрота, с которой проект вернули к обсуждению в разгар июльского кризиса. Восстановление предварительной военной цензуры печати стало важным и до сих пор не вполне оцененным эпизодом истории революции. Оно имело не только политическое, но и морально-психологическое значение, символизируя для многих современников отказ от одного из ключевых завоеваний Февраля и вызывая в памяти ушедшие – казалось, навсегда – штюрмерско-протопоповские времена. Автор подробно останавливается на этом эпизоде, показывая, как эволюционировало восприятие цензуры: резкое неприятие зачастую сменялось признанием необходимости ограничительных мер, особенно в отношении театра и кинематографа. Важен и еще один малоизученный эпизод, подробно рассмотренный в диссертации, – фактическая цензура, вводившаяся местными Советами, армейскими и солдатскими комитетами. Через многочисленные примеры давления на печать с их стороны И.К. Богомолов показывает с новой стороны кризис государственного управления в 1917 г. В этих условиях влияние на цензурные органы становилось важным инструментом утверждения власти на местах.

В заключительных параграфах пятой главы автор проанализировал цензурную политику большевиков в конце 1917 – начале 1918 г. Формирование новой советской цензуры происходило одновременно с демонтажем военно-цензурной системы, действовавшей с 1914 г. Отношение советской власти к старым цензурным органам менялось сообразно с разрастанием угроз молодой республике. Борьба с контрреволюцией и враждебным окружением, шпионажем, контрабандой и спекуляцией требовала восстановить и развить контроль переписки. В диссертации показан сложный процесс трансформации цензурных органов, приспособления их к

новым условиям начинавшейся Гражданской войны.

В столь масштабном исследовании неизбежны ошибки и недочеты, на которые диссертанту следует обратить внимание. В первую очередь отмечу непропорционально большую первую главу, в нынешнем виде она представляет собой краткое содержание всего остального текста, в ней так или иначе затронуты все вопросы, поднятые в других главах. Вполне допустимо было бы разделение первой главы на две – о довоенном и военном периодах. Последний параграф первой главы и в целом блок о кадровом составе мог бы быть распределен по остальным главам. То же самое касается и параграфа о бытовых условиях работы почтово-телеграфной цензуры во второй главе: соответствующие разделы следовало бы поместить и в других главах, иначе выходит, что речь идет только о работниках почты, о других же говорится гораздо меньше. Между тем вопрос работы, например, цензоров печати не менее интересен, однако в соответствующей главе об этом повествуется гораздо меньше. Структурные недостатки видны и в последней главе. Не вполне ясно разделение первого и второго параграфов, они пересекаются по тематике и смыслу, и логично было бы их либо объединить, либо провести между ними более четкую в содержательном отношении границу. Также следует отметить довольно краткие выводы, не отражающие всего богатства материалов, собранных автором в ходе подготовки диссертации.

Однако высказанные замечания отнюдь не приуменьшают достижений автора, проделавшего огромную работу для раскрытия действительно важной и до сих пор недооцененной страницы в важнейшем периоде отечественной истории. Представленная к защите диссертация – фундаментальное исследование, результат кропотливого труда, по-новому показывающего историю России эпохи Первой мировой войны.

Автореферат и публикации автора полностью соответствуют содержанию диссертации, дают представление о ее структуре и основных выводах. Публикации автора прошли апробацию в ведущих российских научных журналах, а также на международных научных конференциях.

Диссертация Богомолова Игоря Константиновича отвечает требованиям,

установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, Богомолов Игорь Константинович заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.)
Института истории и социальных наук
ФГБОУ ВО «Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена»

Николаев Андрей Борисович

Контактные данные:

тел.: +7 (812) 643-77-67 (доб. 2618), e-mail: abnikolaev@herzen.spb.ru

Специальность, по которой оппонентом была защищена диссертация: 07.00.02.

Отечественная история

Адрес места работы: 191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.

48

тел.: +7 (812) 643-77-67 (доб. 2618), e-mail: abnikolaev@herzen.spb.ru

Подпись Николаева А.Б. заверяю:

РГПУ им. А.И. ГЕРЦЕНА

подпись

удостоверяю

Отдел кадров управления по работе с кадрами
и организационно-контрольному обеспечению

«*Андрей Борисович*»
«*30*» *марта* 20*22* г.